

У Гу Цзюньсюаня было три сына. Старший, Гу Синьбай, и второй, Гу Цинбай, родились от его законной жены Чжу. Третий сын, Гу Шаобай, был рождён от наложницы Сюй. Мать Гу Шаобая, Сюй, происходила из образованной семьи, но после того, как её отец и брат погибли от рук горных разбойников, она осталась без поддержки. Поскольку женщины не могли наследовать имущество, всё состояние семьи было захвачено её дядями, и она оказалась в бедственном положении, терпя насмешки и пренебрежение.

Гу Цзюньсюань, будучи близким другом брата Сюй, узнав о её ситуации, пожалел её и с её согласия взял её в качестве наложницы. После рождения сына она, будучи слабой здоровьем, скончалась, когда Гу Шаобаю было всего три года.

Законная жена Чжу скончалась в прошлом году. С тех пор у Гу Цзюньсюаня осталась только одна наложница — Ли Чжэньхэ, которая, несмотря на то, что её не возвели в ранг законной жены, управляла всеми внутренними делами дома Гу. Она начала вести себя как настоящая хозяйка, но, к сожалению, у неё не было детей, что лишало её уверенности.

Вернувшись с игры в мацзян с несколькими знакомыми дамами, Ли Чжэньхэ узнала, что Гу Шаобай очнулся. Третий молодой господин был любимцем всей семьи, и, как бы ей это ни было неприятно, она должна была проявить к нему внимание.

— Шаобай, ты даже не представляешь, как я переживала за тебя, пока ты лежал без сознания. Я плакала несколько раз, сердце болело, как будто его кололи иголками. Если бы с тобой что-то случилось, я бы просто умерла от горя... Угу-гу...

Ли Чжэньхэ даже выдавила несколько слёз, вытирая глаза платком.

Гу Шаобай с холодным взглядом наблюдал за ней, на лице его была вежливая улыбка. Он чувствовал резкий запах нескольких ароматов, исходивших от неё, от которых у него кружилась голова. Было очевидно, что она только что вернулась с игры в мацзян. Она, конечно, переживала, но, видимо, больше за карточным столом. Однако он не стал спорить с ней, зная, что Ли Чжэньхэ, хоть и была грубовата, но не имела злых намерений. Вернее, она просто не была достаточно умна, чтобы строить козни.

Гу Шаобай, уставший от её слов, с хитрым блеском в глазах ответил:

— Вторая матушка, я ведь уже очнулся, так что не волнуйтесь. Отец только что говорил мне, что вы много трудились в эти дни и что он хочет вас побаловать. Он даже упомянул, что хочет заказать для вас новый набор украшений. Вы же знаете, как он занят, и без напоминания он, наверное, быстро забудет...

Не успел Гу Шаобай закончить фразу, как Ли Чжэньхэ уже направлялась к двери:

— Шаобай, я зайду к тебе позже. Сегодня ещё нужно приготовить отцу суп с женьшенем. Я пойду...

Она подумала, что нужно поторопиться, чтобы напомнить мужу не заказывать украшения, так как она уже присмотрела себе набор с золотыми и нефритовыми вставками в магазине «Цинбаочжай», который, как говорили, был из дворца.

Гу Шаобай с облегчением вздохнул, наконец избавившись от этой обузы. Он мог снова вздремнуть, так как предыдущие размышления его утомили.

Сон его длился до самого утра, и когда он открыл глаза, солнце уже было высоко в небе.

Он огляделся. В комнате было тихо, в углу тлел уголь в жаровне, создавая уютное тепло. Яркий весенний свет, проникая через жёлтый шёлковый занавес на окне, становился мягким и приятным.

В полумраке он увидел фигуру в светло-зелёной одежде, сидящую на красной деревянной табуретке и читающую книгу.

— Второй брат, — тихо позвал Гу Шаобай.

Гу Цинбай, услышав его голос, отложил книгу и подошёл к кровати, сев на низкий стул рядом.

— Ты проснулся. Хорошо выспался?

— Да, — ответил Шаобай, садясь на кровать.

Гу Цинбай накинул ему на плечи халат.

— Ты голоден? Что хочешь съесть? Я скажу повару приготовить.

— Не спеши, — сказал Гу Шаобай, придвинувшись ближе и прислонившись головой к плечу брата. — Дай мне немного посидеть так.

Гу Цинбай улыбнулся, пересел на край кровати, чтобы брату было удобнее, и обнял его за плечи.

— Что случилось? Ты стал таким ласковым после болезни?

Гу Шаобай не ответил, но вдруг слёзы потекли по его лицу, капая на плечо брата и пропитывая тонкую весеннюю одежду. Гу Цинбай почувствовал влагу и с беспокойством спросил:

— Шаобай, что с тобой? Расскажи мне.

Гу Шаобай, вытирая лицо об одежду брата, улыбнулся.

— Ничего, второй брат. Просто я соскучился по тебе... Ты так давно не приходил ко мне...

Гу Цинбай с нежностью посмотрел на него, легонько ткнув пальцем в лоб.

— Я был у тебя вчера утром, а вечером, когда пришёл, ты крепко спал, и я не стал тебя будить. Сегодня утром я снова прибежал. Разве это долго? Ты, наверное, ещё не совсем очнулся.

Гу Шаобай, с покрасневшими глазами, чувствовал горечь в сердце.

— Второй брат, я просто хочу всегда видеть тебя, боюсь, что больше не смогу...

Он не мог объяснить, как сильно боялся снова потерять всё после того, как пережил смерть и возрождение.

В ту ночь Гу Шаобай, лежа на спине брата, плакал, слёзы текли по его шее и пропитывали одежду. Сильные руки брата держали его, каждый шаг был отпечатан в его памяти, как и тот ужасный вечер, который разрушил его жизнь.

Гу Шаобай вздохнул, слизав слёзы с губ. Солёный вкус напоминал ему, что он не должен допустить, чтобы отец и брат снова пережили такую боль. Всё ещё можно исправить!

К счастью, аптека семьи Гу была одной из лучших в Цзинлине, и они могли позволить себе лечить Гу Шаобая женьшенем вместо воды, пантами оленя вместо закусок, снежным лотосом в чае и орхидеей целиком. Пока однажды у него не пошла носом кровь, а глаза не покраснели, Гу Цзюньсюань наконец осознал, что переборщил с тонизирующими средствами.

Гу Шаобай подсчитал дни. В прошлой жизни он боялся горьких лекарств, и болезнь, которая должна была пройти за три-пять дней, затянулась на две недели. Теперь, когда он выздоровел на десять дней раньше, что же ему делать?

Размышляя над этим, он укусил кончик пальца, как вдруг в комнату вбежал его слуга Миньюэ.

— Молодой господин, Поэтическое общество Яцзин и Павильон Живописи Сичи снова прислали приглашения. Завтра у них будет весенний приём. Как обычно, отклонить приглашение от Павильона?

— Подожди, я подумаю, — остановил его Гу Шаобай.

Поэтическое общество Яцзин было местом, где собирались талантливые молодые люди Цзинлина, в основном из состоятельных семей. Павильон Живописи Сичи, напротив, был местом, где богатые бездельники пытались приобщиться к искусству. Между ними постоянно возникали споры и соперничество, каждый считал другого пустым и бесполезным.

Гу Шаобай обычно посещал Поэтическое общество, так как ему нравилась их искренняя любовь к искусству. Павильон Живописи он игнорировал, за исключением тех случаев, когда невозможно было отказаться. В прошлой жизни он был слишком горд и презирал этих богатых бездельников, что, конечно, вызывало недовольство.

В Цзинлине все знали имена двух молодых людей: «Ясен, как нефритовое дерево, гость с опущенным парусом» и «Прекрасен, как цветущий сабapple, поющий песню». Первое относилось к Гу Шаобаю, чьё детское имя было «Тинфань». Второе — к Сяо Жуаню, второму сыну семьи Сяо, императорского купца.

— Молодой господин, — напомнил Миньюэ, — человек с приглашением ждёт ответа.

Гу Шаобай, подумав, решил, что в этой жизни его гордость и талант не имеют значения. Главное — защитить отца и брата.

— Миньюэ, отклони приглашение от Поэтического общества. Завтра я пойду в Павильон Живописи Сичи.

Миньюэ, удивлённый, кивнул и ушёл с множеством вопросов в голове.

На следующий день Гу Шаобая разбудила Цююэ только с восьмой попытки. Она, скручивая полотенце, ворчала:

— «Ясен, как нефритовое дерево, гость с опущенным парусом»? Лучше бы тебя назвали «Большой ленивый кот дома Гу». Все говорят, что третий молодой господин семьи Гу — мастер игры на цине, шахмат, каллиграфии и живописи, но никто не знает, что ты ещё и чемпион по сну!

Гу Шаобай, принимая полотенце, прищурился и улыбнулся:

— Знаешь, мне нравится это прозвище. Быть котом было бы лучше, чем человеком.

Он думал, что быть котом было бы легче, чем нести на себе груз ответственности за всю семью. Он боялся, что одна ошибка приведёт к катастрофе, и лучше было бы умереть в прошлой жизни.

— Цююэ, выбери несколько моих лучших картин. Они мне понадобятся, — приказал Гу Шаобай.

<http://bllate.org/book/16730/1538471>